

РУССКАЯ И БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ВЗАИМОВЛИЯНИЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ

Е. В. Крикливец

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

Витебск, Республика Беларусь

e-mail: kriklivec@mail.ru

Раскрывается перспективность сравнительно-типологического исследования близкородственных литератур с целью расширения представления о реальной картине межкультурных взаимосвязей и способах литературной коммуникации на примере синхронического изучения русской и белорусской литератур второй половины XX века.

Ключевые слова: русская литература; белорусская литература; сравнительно-типологический анализ; национальные культурные коды.

RUSSIAN AND BELARUSIAN LITERATURES OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY: INTERACTION, MUTUAL INFLUENCE, NATIONAL CULTURAL CODES

E. V. Kriklivets

Vitebsk State University named after P. M. Masherov

Vitebsk, Republic of Belarus

e-mail: kriklivec@mail.ru

The prospects of a comparative typological study of closely related literatures are revealed in order to expand the understanding of the real picture of intercultural relationships and methods of literary communication using the example of a synchronic study of Russian and Belarusian literatures of the second half of the twentieth century.

Keywords: Russian literature; Belarusian literature; comparative typological analysis; national cultural codes.

Сравнительное изучение литератур – одно из приоритетных направлений современной филологии. Данный подход позволяет выявить творческую неповторимость произведения и национальную традицию посредством раскрытия литературных и социокультурных связей, формирует открытость сознания к восприятию и критической интерпретации инонациональных культурных смыслов. Перспективным представляется изучение взаимодействия и взаимовлияния близкородственных литератур в рамках одного социокультурного периода. Репрезентативны сравнительно-типологические исследования русской и белорусской литератур второй половины XX века. Выбор этого синхронического среза объясняется рядом причин.

Вектор развития советской литературы середины прошлого столетия отождествлен с понятием социалистического реализма. В настоящее время взгляды на его природу неоднозначны. Выявляется генетическое родство метода социалистического реализма коммуникативной стратегии классицизма, нередко социалистический реализм рассматривают как авангардистскую стратегию, ориентированную на целенаправленное воздействие на сознание адресата. Думается, неправомерно отождествлять многообразие советской литературы с идеологически ангажированным художественным методом. В середине 1950-х – 1960-е годы в творчестве некоторых представителей военной и «деревенской» прозы намечаются тенденции к выходу за рамки соцреалистической эстетики. Динамика художественной парадигмы обусловлена изменением философской парадигмы «человек–мир», зарождением новой «идеи человека». Актуальным становится вопрос о самоидентификации личности, для белорусской литературы это еще и вопрос о национальной самоидентичности. Появляются попытки постичь сущность национального характера, определить внутреннюю, психологическую детерминацию личности. Этот переход чуть позже обусловил присутствие в текстах художественных произведений элементов символизма, романтизма, неомифологических приемов моделирования реальности. С 1970-х годов усиливается экзистенциальная направленность прозы, происходит актуализация нравственно-философской проблематики. Обращение писателей к креативистской эстетике ускорило преодоление границ нормативной. Открытость реализма к эстетическим преобразованиям породила гипотезу о зарождении новой парадигмы художественности. Термины «постреализм», «новый реализм», «трансреализм», появившиеся в литературоведческих работах на рубеже XX–XXI веков, призваны отразить изменения «классического» реализма, произошедшие под влиянием неклассической эстетики.

В последней трети XX века императивом художественного творчества окончательно становится постижение чужого «я», внимание и автора, и читателя сконцентрировано на герое как объекте коммуникации. С 1970-х годов усиливается экзистенциальная направленность прозы. Мифопоэтизм характеризуется укорененностью в универсальных гуманистических константах национальной специфики (это особенно характерно для белорусской литературы). Основные стилевые изменения происходят на стыке художественных систем. Возникновение диффузных явлений обусловлено как индивидуально-авторским творческим экспериментом, так и общими стилевыми тенденциями эпохи.

Эстетической реакцией на идеологическую ангажированность советской литературы стала так называемая «другая проза». В эстетиче-

ском смысле «другая проза» довольно эклектичное явление, поскольку данное понятие объединяет авторов, прежде всего, с точки зрения общности их социальной позиции – принципиального отрицания стереотипов советской литературы. При всем разнообразии стилистических приемов и индивидуально-авторских подходов к осмыслению и изображению действительности в контексте «другой прозы» можно выделить две ключевые стилистические тенденции. Первая получила название «*экзистенциального реализма*», вторая представляет собой рецепцию традиций *карнавальной прозы*.

Экзистенциальный реализм объединил взгляд на человека как на «песчинку истории» и освоение ранее табуированных социальных и бытовых сфер (М. Палей «Евгеша и Аннушка»; М. Кураев «Капитан Дикштейн», «Ночной дозор»). Изменения в политической и культурной сферах, обусловившие последнюю треть XX века, привели не только к появлению нового ракурса осмысления и изображения исторических событий, но и к смене модуса художественности в произведениях, ранее традиционно характеризовавшихся героическим пафосом. Так, утрачивает сакральность изображение военных событий, героя-воина, воинского долга (С. Каледин «Стройбат», А. Федоренко «Солдат»). В русле экзистенциального реализма трансформируется и вектор «лагерной прозы». Если в произведениях А. Солженицына, В. Шаламова, В. Гроссмана и др. описывалась жизнь политзаключенных и, несмотря на все ужасы ГУЛАГа, демонстрировалась высота человеческого духа, то «альтернативная проза» исследует ранее закрытый для читателя мир уголовников, создавая типичный образ «сына тюрьмы» (Л. Габышев «Одлян, или Воздух свободы»). В целом экзистенциальный реализм представляет собой синтез традиционных способов художественного познания действительности, направленных на психологизацию повествования, и приемов вторичной (сатирической, фантазмагорической) художественной условности, отражающих абсурдность окружающего мира.

Поэтика карнавальности генетически близка постмодернистской эстетике с ее непрерывными метаморфозами и «диалогом» с хаосом. Антиномии верха и низа, духовности и плоти, мудрости и глупости, рождения и смерти оказываются «перевернутыми с ног на голову», составляющие этих оппозиций пародийным образом меняются местами, что и становится причиной смехового (комического, сатирического) начала в произведении. Карнавал в литературе этого периода имеет ярко выраженный идеологический, социальный, иногда даже дидактический подтекст. Реалии советского времени «подбрасывали» писателям новый материал для выстраивания карнавальных противопоставлений. Так,

в повестях Юза Алешковского («Николай Николаевич», «Синенький скромный платочек» и др.) находит отражение антитеза патологической государственной системы, делающей невозможными естественные бытовые категории, и телесного низа, откровенно плотского, физиологического начала. При этом происходит как бы «возвышение» плоти: физиология, в отличие от государственной системы, представляется натуральной, естественной и даже единственно мудрой. Аналогичное ироническое противопоставление системы и натуры находим и в повести Ф. Искандера «Созвездие козлотура». В повести «День рождения покойника», переплетая сказовое, ироническое, игровое, карнавальное начала, Г. Головин развенчивает идеологические мифы, демонстрирует абсурдность общества, основанного на псевдоколлективизме, за которым теряется ценность отдельной жизни. Подобные художественные конструкции монологичны: аллегория, на которой основано сюжетное построение, однозначна и не допускает вариантных трактовок. При этом автор как бы претендует на знание конечной истины и приводит к ней читателя. Такой подход оказывается сродни басенному морализаторству и обуславливает определенный дидактизм произведений, что отличает карнавал второй половины XX века от его литературного прообраза, в котором истина недостижима и неуловима.

И русские, и белорусские прозаики активно используют различные типы вторичной художественной условности. В зависимости от доминирующего типа условности и доминирующего художественного приема можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической художественности: актуализация сюрреалистической эстетики; синтез реалистического и фантастического (при этом следует различать фантастическую условность как прием и фантастический метод художественного миромоделирования); обращение к фольклорно-мифологическим мотивам, мифологическим способам познания мира. Освоение неореалистической эстетики в русской и белорусской прозе второй половины XX века обусловило актуализацию жанра *антиутопии*, в которой читатель, декодируя аллегорические образы, узнавал картину привычного ему социума.

Развитие русской и белорусской литературы в 1980–1990-е годы, с одной стороны, демонстрирует завершение определенного социокультурного этапа, с другой – свидетельствует о начале нового исторического и культурного цикла. Модернистская парадигма в русской и белорусской литературах XX века характеризуется дискретностью. Тем не менее, модернизм в русской литературе представляется сформировавшейся художественной системой с достаточно четко дифференцируемыми стилевыми течениями. Причинами дискретности белорусского литератур-

ного процесса стали неоднократные изменения государственной принадлежности белорусских земель, что каждый раз приводило к изменению (сужению) сферы бытования белорусского языка. Возвращение белорусского языка в область литературного использования в первой половине XX века привело к феномену пресловутого «ускоренного» развития белорусской литературы, когда она в сжатые сроки усваивала достижения как русской, так и европейской литератур, пытаясь решить одновременно две задачи – аккумуляции и возрождения национальных ценностей и вхождения в европейский литературный контекст. Сопоставляя развитие художественной системы модернизма в русской и белорусской литературах, исследователи приходят к выводу о том, что «двоемие как один из эстетических принципов модернизма порождался в белорусской литературе не столько утопически-философскими причинами, как в русской, сколько вполне реальными геополитическими. Белорусская культура формировалась на границе Запада и Востока, в ней сходятся две ветви христианства – католицизм и православие, западная (латинская) и восточная (византийская) культурные традиции. Ментальность белоруса включает толерантность как принятие (приятие) антиномичности, в том числе и двоемрия. Вместе с тем “бытие на границе” усиливало стремление к национальной самоидентификации» [1, с. 169]. Модернизм в белорусской литературе имеет ярко выраженную фольклорно-мифологическую основу, которая обусловила преобладание аутентичных элементов, помогла вербализировать бессознательные категории, сделать их предметом авторской и читательской рефлексии.

Можно утверждать, что основной жанровой разновидностью белорусской модернистской прозы (в отличие от русской) становится *притча*, которая на сюжетно-композиционном уровне дала возможность расширить привычные границы художественного миромоделирования, выработать новые (метафизические, аллегорические) способы и приемы отражения мира и человека в нем через создание особых художественных форм и нового поэтического языка, позволившего вербализировать, сделать зримыми бессознательные, интуитивные, чувственные категории, сделать их предметом рефлексии, перевести на уровень осознаваемых процессов. В белорусской прозе притча представлена несколькими вариантами. Это собственно *повесть-притча* (В. Быков «Ваўчыная яма», В. Козько «Час збіраць косці», «І нікога, хто ўбачыць мой страх», «Прахожы», А. Боровский «Ахутавана»), приобретающая (в отличие от евангельских притч) социальное звучание, нередко ассимилирующая элементы антиутопии. Специфически белорусской модификацией притчи представляется «*прыпавесць*» – синтез народной (национальной) и индивидуально-авторской философии (проза В. Быкова из сборника

«Пахаджане», произведения Я. Сипакова из книги «Тыя, што ідуць», повесть Ф. Сивко «Удог», повесть в «прыпавесцях» А. Мосаренко «Лесавікі»). Форма «прыпавесці» направлена на осмысление экзистенциальной проблематики через призму национальной самоидентификации. Исследование морально-этической сферы современного писателям социума диктовало появление в ряде произведений элементов *публицистической проповеди*, в которой исходной точкой развития мысли являются не только и не столько постулаты веры, сколько недостатки и пороки, которые можно наблюдать в обыденной жизни (А. Боровский «Княжбор»). Многозначность и символизм притчевых образов, их индизказательность позволили исследователям наряду с понятием притчи использовать представление о *параболе* как о произведении более абстрактном, допускающем несколько вариантов интерпретации. Национальная специфика художественной системы модернизма продуцируется определенной историко-культурной ситуацией. В случае с модернизмом в белорусской литературе – это ответ на социальные, эстетические и духовные запросы времени.

Таким образом, сравнительное изучение близкородственных литератур (русской и белорусской) представляется актуальным для отечественной гуманитаристики, поскольку формирует представление о формах и закономерностях междитературного процесса, дает возможность выявить универсалии, детерминирующие общность славянских литератур, определить константы национально-культурной парадигмы, раскрыть аксиологический диапазон русской и белорусской литературы, позволяет исследовать белорусскую литературу во взаимодействии с инонациональными культурными кодами.

Библіаграфічныя спасылкі

1. Нефагіна, Г. Л. Модэрнізм у беларускай прозе ХХ в. // Дыскусія. 2012. № 3. С. 168–172.